

# Она защищала блокадный город с 15 лет



**Валентина Павловна МОРОЗОВА** живет в посёлке Песочный уже четверть века. 15-летней девчонкой она защищала Ленинград — тушила зажигалки на крыше, ходила сандружинницей по квартирам, работала на военном заводе. Валентина Павловна награждена медалью «За оборону Ленинграда», знаками «Житель блокадного Ленинграда» и «Ветеран труда».

## Начало войны застало всех врасплох

«В июне 1941 года мне было уже 15 лет, и я окончила 7-й класс, — вспоминает Валентина Павловна. — Сначала мы жили на Невском проспекте, прямо около нынешней станции метро «Площадь Восстания». У нас была огромная 45-метровая комната в коммунальной квартире. Мой папа, Павел Матвеевич Нистратов, работал снабженцем, а мама, Евдокия Васильевна, после рождения моего младшего брата Владимира стала домохозяйкой».

Семья несколько раз переезжала, пока не оказалась в отдельной квартире на Моховой улице, где они и встретили войну.

Сегодня, когда рассекречены многие архивы, историкам известно, что о нападении Германии на Советский Союз руководители страны знали уже 21 июня. В 2 часа ночи 22 июня Сталин собрал в Кремле срочное совещание, в 3 часа ночи такое же собрал в Смольном замечавший Андрея Жданова второй секретарь Ленинградского горкома Алексей Кузнецов. В 4 часа утра из Москвы по

«вертушке» ему сообщили о начале войны. И сразу эта новость стала известна в спящем городе.

«Я помню абсолютно точно, что мы узнали о начале войны ранним утром, — говорит Валентина Морозова. — Взрослые выскочили прямо во двор кто в чем был: женщины в ночных сорочках, мужчины чуть ли не в кальсонах. Все громко обсуждали, что теперь будет и как дальше жить. Наша семья так вообще собиралась в Винницкую область на Украину, где мы уже не в первый раз проводили лето. Мы уже и билеты купили. Что бы там с нами дальше было, даже думать не хочется».

Семья осталась в доме на Моховой улице. Павел Матвеевич где-то достал машину дров и доверху наполнил ими семейную кладовку в общем подвале.

«Эти дрова и спасли нас в первую блокадную зиму, — продолжает Валентина Павловна. — Мама брала несколько поленьев и шла на Некрасовский (Мальцевский) рынок. А иногда было достаточно выйти на Литейный проспект, чтобы обменять их на кусочек хлеба или стакан крупы. Фонтанка была рядом, так что и водой мы тоже были обеспечены».

В подвале дома оборудовали бомбоубежище, но я там практически не бывала. Мое место было на крыше дома, где я во время своего дежурства тушила зажигалки. А если не была на крыше, то ходила в составе группы сандружинниц по квартирам и проверяла, кто жив, а кто уже умер. Почти сразу нас, тех подростков, кто остался, определили сторожить и ворота дома — наш двор стали запирают на ночь, чтобы не ходили чужие. Мы сменялись через каждые два часа. Так что, хоть я и не училась, потому что школу закрыли, весь день у меня был занят. А вот младший брат, несмотря на то, что ему и было уже 12 лет, сидел дома — его мама никуда не пускала».

Зимой 1941—1942 годов Валентина Павловна успела поработать на военном заводе на Петроградской стороне. Попала она туда совершенно случайно. «Мой дедушка к тому времени уже не мог ходить, а надо было забрать его продовольственные карточки, — гово-

рит Валентина Морозова. — Я и пошла к нему на работу. На заводе меня встретил его сослуживец дядя Вася — он вообще в цеху был один, а снаряды надо было кому-то делать. Вот он и научил меня вытачивать гильзы и оформил на работу».

## Спаслись в подшефном хозяйстве

Весной 1942 года Евдокия Васильевна всё же решила уехать с детьми в эвакуацию. Она уже шла по Литейному проспекту в Большой дом со всеми документами, но по дороге встретила подругу, которая предложила совсем другой план — уехать в деревню Дранишники, что неподалеку от Агалатово. Муж подруги служил в НКВД и отправлял семью в подшефное этому ведомству хозяйство на территории Ленобласти, и они взяли с собой и Нистратовых.

«Ехали мы в грузовике, — вспоминает Валентина Павловна. — В Дранишниках нам дали жилье, устроили на работу. Мы работали на полях, выращивали овощи. Конечно, за нами наблюдали, особенно в период сбора урожая, чтобы, не дай бог, никто не взял себе картофелину или морковку. Но мне кажется, об этом никто

из работников и не думал. Нас кормили завтраком в столовой. Мы не голодали. Правда дети и подростки не учились — только работали. Это место не обстреливали, не бомбили — мы только зарево от прожекторов над Ленинградом видели, да слышали канонаду».

В 1943 году ее младший брат Владимир поступил в мореходное училище и уехал из Дранишников. А Валю с мамой еще долго не отпускали после того, как блокаду сняли. Они смогли вернуться в Ленинград только в конце 1944 года, уже самостоятельно, по железной дороге.

«У меня так и остались довоенное образование в 7 классов. Дальше я учиться не стала — пошла работать. Устроилась официанткой в столовую для научных сотрудников Эрмитажа, — рассказывает Валентина Павловна. — И там познакомилась со своим будущим мужем, Николаем Ивановичем, который работал слесарем-ремонтником. В 1945 году мы поженились, и я переехала к нему в коммунальную квартиру на набережной Фонтанки».

Вся трудовая жизнь Валентины Павловны Морозовой была связана с торговлей. Последние годы перед пенсией она работала в отделе безналичной торговли Ленхозторга. А когда вышла на пенсию, переехала в посёлок Песочный.

«В Песочном оказалась сначала мама, — поясняет Валентина Павловна, — Она стояла в очереди на улучшение жилищных условий, получив в 1980-х годах квартиру, тут же начала искать частный дом за городом. Нашли в Песочном, и то только вот этот, вплитык к железной дороге, других свободных не было. А уже когда я вышла на пенсию, тоже переехала к ней».

И снова пошла на работу уже в Песочном — на фабрику на углу Заводской и Речной улиц, где делали галстуки для военных и искусственные цветы. Поселок стал для Валентины Павловны Морозовой родным. Здесь, на Песочинском кладбище похоронены ее мама и брат. И она сама уже не мыслит своей жизни вне его. «В город даже не тянет», — признается Валентина Павловна.



Валентина Павловна Морозова, 1950-е гг.

Ксения КИРИЛЛОВА